

вара Тихоновна.—Нѣть, раньше осени, по моему, нельзя. Главное—не будетъ готово приданое.

II.

Пріѣхалъ Никодимъ Павловичъ Прягинъ. Никодимъ Павловичъ былъ высокій блондинъ, лѣтъ сорока, въ черныхъ лайковыхъ перчаткахъ и сѣренькой парѣ. У него было спокойное лицо хорошо сохранившагося мужчины, который всю жизнь не испытывалъ угрозеній совѣсти и никому не сдѣлалъ зла. Онъ служилъ въ банкирской конторѣ Гольденбаха, Антонова и К°, и въ его походкѣ, костюмѣ и даже во взглядѣ свѣтлыхъ глазъ чувствовалось что-то опредѣленное, разсчитанное и аккуратное.

Онъ, не спѣша, подаль руку хозяйкамъ и гостю, положилъ шапку въ безопасное мѣсто, гдѣ бы никто не могъ на нее сѣсть, и непринужденно развалился на диванѣ, занимавшемъ уголь террасы.

— Ёхаль я въ вамъ и размышилять о людской безпечности,—началь онъ съ улыбкой, закуривая сигару. — Дорога ужасная. Каждый годъ, благодаря адскому спуску, который огибаетъ вашу усадьбу, падаетъ, по крайней мѣрѣ, сто лошадей, ломается сто экипажей и теряется прекрасной и непрекрасной половиной рода человѣческаго паръ реберъ, ногъ, рукъ, ключицъ. А, не правда ли? Тѣмъ не менѣе ежедневно подвергаю я риску свою шею и ёзжу сюда, словно на службу, чтобы посидѣть часъ на террасѣ и отравить Пчелку дымомъ своихъ сигаръ. Что дѣлать! Привыкъ мучить ее!

— Очень вамъ благодарны!—сказала Варвара Тихоновна.—Вы поступаете какъ истинный другъ.

Прягинъ затянулся, посмотрѣлъ на нѣжный профиль моло-денької дѣвушки и выпустилъ дымъ изо рта.

— Еслибы вы знали, Никодимъ Павловичъ, какъ я цѣню вашу благородную безпечность!—сказала Раиса.

— Пчелка говорить что-то злое. Сегодня она не безъ яда!

Прягинъ улыбнулся и погрозилъ ей пальцемъ. Федоръ Игнатьичъ все время пристально смотрѣлъ на Прягина. Не нравился ему Прягинъ. Варвара Тихоновна между тѣмъ долго боролась съ желаніемъ разсказать гостю о сватовствѣ Гранковскаго. Если не сказать, онъ какъ нибудь узнаетъ — она не подумала, какъ онъ можетъ узнать — и тогда выйдетъ не совсѣмъ красиво: точно она боится Прягина и потихоньку отъ него сама